

АРХИМАНДРИТ ПЛАТОН (ИГУМНОВ)

СМУТА 1917–1918 ГОДОВ
КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАГЕДИЯ
В ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 930.1

Аннотация

В статье представлен опыт интерпретации нравственно-религиозного смысла событий двух революций в России в феврале и октябре 1917 г. и последовавших за ними социальных потрясений и радикальных перемен, которые произошли во всех сферах политической, социально-экономической и культурной жизни страны, оказавшейся на руинах разоренной Октябрьским переворотом и Гражданской войной Российской империи. Опираясь на оценку смуты и ее драматических последствий, содержащуюся в воззрениях Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, С. А. Левицкого, П. И. Новгородцева и других русских религиозных мыслителей, автор указывает на этическую несостоятельность лозунгов революции, осуществление которых обернулось национальной трагедией России в XX в.

Ключевые слова: Царство Божие, вера, свобода, достоинство, благородство, революция, смута, апостасия, анархия, террор, мировоззрение, дорога истории.

Русским религиозным сознанием, с его взглядом на историю как на метафору пути к грядущему Царству Божьему, с его восприятием событий земной истории человечества в их соотносительности с эсхатологическими ожиданиями всеобщего воскресения и царства будущего века, совершившаяся в России революция оценивалась как знак приближения последнего времени с его восстанием сил тьмы против религиозных и нравственных начал бытия. В дореволюционной России одновременно

с торжеством света шло и наступление тьмы¹, приведшей величайшую в мире империю к национальной катастрофе, которая была воспринята православным народом как «страшное предостережение, суд»², как знамение конца истории. «Никогда еще в истории не было такого продолжительного натиска на христианство, как то, которое было начато в 1918 г.»³. Крушение русского православного царства явилось грозным и драматическим событием, определившим «не только судьбу России, но и историческое направление всего двадцатого века»⁴. В мире, в котором все становится преходящим эмпирическим явлением, «крах — это последняя действительность»⁵, свидетельство кризиса, в котором «мир секулярного модерна, основанный на постпросвещенческих либеральных ценностях, вплотную подошел к своему концу»⁶. Культурный горизонт, на котором явился призрак смуты, был затемнен в мировоззрении высших классов общества религиозным забвением: «процесс секуляризации культуры, происходивший в Европе на протяжении нескольких веков»⁷, привел человечество к великому иррациональному кризису⁸, который затем разразился великой общеевропейской войной и последовавшей за ней революционной смутой в России. Глобальные драматические потрясения, охватившие христианский мир в первой половине XX в., явились следствием отпадения человека от веры и Церкви, результатом утраты им его подлинного человеческого достоинства. «Но хотя миллионы и миллионы людей живут плотью... христианская истина и вселенская Церковь запрещают нам называть это истинным состоянием людей»⁹.

¹ Шмеман А., прот. 1954. С. 387.

² Там же.

³ Мейендорф И., прот. 1991. С. 186.

⁴ Там же.

⁵ Ясперс 2012b. С. 276.

⁶ Семенко 2010. С. 6.

⁷ Ильин 1993. С. 249.

⁸ Там же.

⁹ Нибур 1996. С. 182.

Человек забыл о незримом присутствии Творца во Вселенной, где «Бог хранит молчание, и все самое ценное в мире наполнено тишиной»¹⁰.

С оскудением в современном мире царства нравственных ценностей и в первую очередь человеческого достоинства К. Ясперс связывает свою озабоченность судьбой одного из важнейших конститутивных элементов бытия, который, будучи отмечен знаком подлинного величия, становится совершенно незащищенным перед лицом неотвратимой угрозы со стороны новой, враждебной христианству и беспощадной к нему реальной действительности. В небольшом по объему фрагменте, всего лишь на двух страницах своего труда «Смысл и назначение истории», Ясперс упоминает об этосе благородства, которое он относит к числу «самых значительных явлений»¹¹ в духовной сфере человеческого бытия. Угрозу благородству несет характер нравственно-психологической тенденции последнего времени, ведущего к оскудению ценностного достоинства жизни. Эта озабоченность христианского мыслителя утратой человеком его достоинства вызвана существованием той непримиримой озлобленности, в которую облачается в своей деструктивно окрашенной феноменологии метафизическая сущность революции: открываясь как «поход против благородства»¹². Вслед за Ясперсом вполне уместно констатировать, что в своей иррациональной стихии, которая была завистливой и злобной, мрачной и разрушительной, коварной и мстительной, жестокой и беспощадной, революция была походом против благородства тех людей, которые своим трудом и молитвами, святостью и праведностью, талантом и гением, служением, созерцанием и творчеством созидали величие, мощь, достоинство, благоденствие и славу России.

Истинная природа благородства узнаётся по его скромному одеянию: благородство не стремится быть отмеченным ни громким эхом человеческой славы, ни блистательным отражением созданного праздным воображением величия, оно облачено в интеллектуальные и нравственные символы

¹⁰ Мунье 1992. С. 89.

¹¹ Ясперс 1991. С. 406.

¹² Там же. С. 407.

трансцендентальной реальности, на нем положена печать нездешнего достоинства. Благородство есть не просто лично осознанная мировоззренческая и нравственная позиция человека чести и совести, но прежде всего степень его высокой духовной преображенности и вместе с тем постоянное стремление, воспламеняющееся и горящее Божественным предписанием того, что следует исполнять человеку в силу налагаемой на него онтологической ответственности за причастность к общему порядку вселенского универсума, в котором он должен актуально осуществить принятый от Бога дар бытия. Жизнь человека принадлежит тайне Завета с Богом. В основе благородства лежит верность Завету, актуально осуществляемая каждой конкретной человеческой личностью в стихии ее личной свободы.

Как явление сокровенного нравственного характера, заключающее в своем этическом содержании исключительно конструктивный смысл, благородство имеет метафизическим основанием глубокую укорененность в безграничном величии Бога, открывшего во Христе идеальный образ истинного благородства, явленного миру в сиянии Его богочеловеческого достоинства. С момента Боговоплощения, ставшего ноуменальным средоточием вселенской жизни от начала мира до его эсхатологической завершенности, отблеск благородства, явленного в евангельском образе Христа, находит отражение в человеческих личностях и судьбах, в человеческом творчестве и в совершающихся в мире событиях.

Восприятие Христа в Его любви «к действительному миру с его реальной историей»¹³ и, следовательно, с конкретными личностями «сообщает свободу ответственного действия в мире, в истории»¹⁴. Высочайшим проявлением Его благородства является Его солидарность с человеком, Его любовь к людям, простирающаяся в своей безграничности до принятия вины людей, до желания «позволить отяготить Себя их виной»¹⁵. Традиция веры и обладание лично принятым идеальным

¹³ Бонхёффер 2013. С. 234.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

образом Богочеловека формировало в душе каждого Его последователя верность «своим благородным первоосновам»¹⁶.

В аспекте аксиологической интерпретации исторических феноменов понятие благородства выступает в качестве одного из критериев этической оценки событий прошлого. «Формулы просветления экзистенциальной историчности»¹⁷ здесь применимы «как знание о правильном бытии»¹⁸. В свете понятия благородства как предиката аксиологической значимости экзистенциальной действительности радикально меняется традиционный взгляд на события революции. Смута явилась дерзким вызовом человеческому благородству во всех его проявлениях, начиная от личного благородства императора и заканчивая благородством простого русского крестьянина и смиренного монаха, имевших мужество не отречься от исповедуемой ими христианской веры перед лицом чинимого революционной властью насилия. «Высший акт личности заключается в том, чтобы принять страдание и смерть, но не изменить своему человеческому призванию»¹⁹. Свою безумную ярость революция обрушила прежде всего на людей в форме — офицерство и духовенство — два сословия, составлявшие фундамент стратегического и нравственного достоинства России. Революция явилась плебейским походом против благородства и с присущей большевикам беспощадной решительностью вынесла ему смертный приговор. Тот, кто был благороден, оказался обречен. Миллионы людей, которые не желали революции, которые желали оставаться самими собой, которые честно трудились и по совести исполняли свой долг, были обречены на лишения, невзгоды, изгнание, заключение и смерть.

В нравственной оценке революции следует исходить из принципа признания иерархии ценностей, в которой высшей ценностью в мире является человеческая личность с ее правами и гарантиями, достоинством и свобо-

¹⁶ Ильин 1993. С. 248.

¹⁷ Ясперс 2012а. С. 149.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Мунье 1992. С. 84.

дой, с ее обращенностью к Богу, в Котором она обретает онтологическую основу своего существования, осознаёт аксиологическую значимость совершаемых ею действий и открывает перспективу трансцендентного смысла в своем вечном предназначении. «Участие в трансцендентном непостижимо как деяние, осуществляемое без нашей воли, — отмечает В. Виндельбандт, — оно есть величайший из выпадающих нам даров»²⁰. Подлинную человечность человек обретает в Боге. «Христианин усматривает человечность человека, его *humanitas* в свете его отношения к божеству, *deitas*. В плане истории спасения он — человек как “дитя Божие”, слышащее и воспринимающее зов Божий во Христе. Человек — не от мира сего, поскольку “мир” в созерцательно-платоническом смысле остается лишь эпизодическим преддверием к потустороннему»²¹.

В нравственно-психологической оценке революции открывается ее парадоксальная сторона, именно то обстоятельство, что в своем теоретическом замысле ее приверженцы исходили из благородных побуждений, присущих молодой русской интеллигенции, которая в своем увлечении либеральными идеями Запада не могла распознать утопический и иллюзорный характер своей романтически окрашенной социальной мечты. «Это изнурительная мечта — неосуществимая, безнадежная, но которая вбирает все живые силы в себя, у молодежи, у гимназиста, у гимназистки»²². Увлечение молодежи идеями социализма Розанов сравнивал с болезнью, которая способна изнурять организм, и «нет силы ее остановить, так и социализм»²³. Эта мечта «завораживает самое идеальное», что есть в юности, перерождаясь в ненавистную озлобленность ресентимента, обрекающего массы людей на лишения и страдания в их искусственно спровоцированном смертельном классовом противостоянии. «Это жертвы, жрецы в стороне»²⁴. Примечательны

²⁰ Виндельбандт 2007. С. 309.

²¹ Хайдеггер 1993. С. 196.

²² Розанов 1990. С. 557.

²³ Там же.

²⁴ Игнатий Брянчанинов, свт. 2017. С. 405.

слова В. В. Розанова о том, что «революции основаны на энтузиазме»²⁵, они «исходят из молодого “Я”»²⁶. Движущей силой революции является не знающая жизни, неопытная, легко поддающаяся внушениям и громким провокационным призывам молодежь, находящаяся во власти аффектов и приходящая в восторг от созерцания феноменов, связанных с грандиозными потрясениями и разрушениями. Для либеральной интеллигенции идеи революции казались справедливыми и привлекательными на протяжении всего XIX в. «В ту эпоху преобладающее большинство русских людей из так называемой “интеллигенции” жило одной верой, имело один “смысл жизни”, эту веру лучше всего определить как веру в революцию»²⁷.

Совершившаяся под знаком свободы, революция в России пережила три неизбежные в их объективной последовательности стадии: эйфорию — в связи с всеобщим восторгом по поводу падения в России тысячелетней самодержавной власти, анархию — в связи с неспособностью нового революционного правительства управлять государством и довести войну с внешним врагом до победного конца и, наконец, массовый террор, необходимый левой радикальной партии революционеров-большевиков для удержания власти с помощью тоталитарного режима, не признававшего никаких свобод и гарантий личности, включая право на жизнь.

Революция разделила Россию на два лагеря: ослепление и озлобленность одних оформились в орудие беспощадной революционной гегемонии; благородство и вера других обрекла их доблестных носителей на неизбежную гибель под дамокловым мечом этой гегемонии в огне революции.

Исторический феномен и последствия великой русской смуты 1917—1918 гг. как эпохального для России события никогда не оценивались однозначно.

Социалистическая революция, совершившаяся в России, трактовалась идеологами советского периода отечественной истории как событие истори-

²⁵ Розанов 1990. С. 542.

²⁶ Там же.

²⁷ Франк 1990. С. 116.

чески необходимое и исторически неизбежное, как объективное и закономерное явление во всемирной истории, ознаменовавшее собой последнюю и высшую ступень на пути человечества к общественному прогрессу. С верой в прогресс связывались мечты революционеров-большевиков о победе социалистической революции в мировом глобальном масштабе.

Происшедшее в нашей стране в 1991 г. крушение прежней идеологической парадигмы радикальным образом изменило взгляды нашего общества на объективный характер отечественной истории, в которой Октябрьский переворот и последовавший за ним период советского тоталитарного режима стали восприниматься как измена национальным интересам России в русле ее тысячелетнего цивилизационного развития. В свете новой мировоззренческой и политической парадигмы революционная смута в России в начале XX в. смогла быть объективно оцененной как величайшая катастрофа, потрясшая фундаментальные основы национального русского бытия, как национальная трагедия, унесшая миллионы человеческих жизней и нанеся непоправимый урон геополитическим интересам России, радикально изменив и затормозив ее развитие в экономическом, демографическом, цивилизационном и культурном отношениях.

Как справедливо отметил один из современников разразившейся смуты еще в июне 1918 г., когда Россия оказалась охваченной Гражданской войной, «все главные политические, социально-экономические и психологические идеи, в которых столетие воспитывалась русская интеллигенция, оказались ложными и губительными для народа»²⁸. Октябрьская революция 1917 г. выявила историческую несостоятельность этих идей. Диктатура большевизма воплотила в жизнь иррациональную и деструктивную природу импортированного с Запада революционного учения.

Идеи революции нашли благоприятную почву в либерализме и нигилизме русской интеллигенции, в наивной и обманутой душе народа, призванного искать Царства Божьего и правды его, но соблазненного

²⁸ Изгоев 1991. С. 362.

прелестью земного рая без Бога. В русском нигилизме скрываются лже-религиозные черты, нигилизм есть “какая-то обратная религия”²⁹ с ее фанатизмом, беспощадностью и дикостью. Поэтому, как предугадывал Достоевский, революция в России будет не такой, как на Западе, «она будет страшнее и предельнее западных революций»³⁰.

В характере революции есть своя мистическая сторона, таящая не только неведомые нам горизонты трагедии, которые скрыты от исторического свидетельства, но и свою иррациональную и, по существу, inferнальную основу, которая ярко проявилась в феномене общей массовой одержимости. «Русская революция — феномен религиозного порядка, она решает вопрос о Боге»³¹. П. Тиллих усматривал в учении революционеров-социалистов «религиозно окрашенный элемент осознания своего предназначения»³² и отмечал, имея в виду межпартийные разборки, что революция в России вызвала «крайне ожесточенную борьбу квазирелигий с многочисленными религиями в собственном смысле»³³. С обеих сторон борьба велась под знаком наступления будущего. Различие было в том, что «религиозная надежда трансцендентна, а квазирелигиозная — имманентна, но эта разница гораздо менее существенна с психологической точки зрения, чем с теологической»³⁴. Революция отвергает Церковь с ее религиозной верой и христианской моралью как институт и идеологию «старого мира». Религия и христианская мораль мешают революционерам делать их великое общечеловеческое дело в борьбе с отжившим прошлым режимом во имя справедливости и свободы. Революция совершается под лозунгом сбрасывания религиозных оков, державших народ во тьме невежества и социальном повиновении. Приближение революции как события, носящего

²⁹ Бердяев 1991. С. 261.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Тиллих 1995. С. 405.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 406.

апостасийный и апокалиптический характер, было возведено и открыто в религиозных предчувствиях народной русской души.

Наши великие писатели и поэты владели даром пророческого предвидения грядущих грозных событий революции. В пророческом рассказе Ивана Бунина «Сны», написанном в 1902 г., нашли художественное отражение те сверхъестественные откровения, которые широкой волной разливались в тревогах и алармистских ожиданиях чуткой и безошибочной народной интуиции. В своем рассказе Бунин передает разговор пассажиров в вагоне поезда, один из участников которого рассказывает содержание сна, приснившегося одному провинциальному священнику накануне Пасхи. Батюшке снится, как он отправляется в храм к Светлой пасхальной заутрене, но, к его удивлению, улица, ведущая к храму, оказывается совершенно безлюдной, а двери храма закрытыми на замок. Затем следует неожиданное появление старухи-сторожихи, которая на недоуменные вопрошания батюшки отвечает, что никакой пасхальной службы не будет и что теперь все храмы закрыты. По настоянию батюшки она открывает дверь храма, во мраке которого он увидел потрясшее его видение. Сами собой открываются царские врата, и из алтаря на амвон выходят сначала красный, затем белый и, наконец, черный кочет (петух), каждый из которых кричал один страшнее другого, повергнув батюшку в неопишувемый ужас. По заключению самого рассказчика, этот сон означает «большие дела».

В этом рассказе Бунина, написанном им за три года до грозных исторических событий, пророчески предсказаны три революции, потрясшие Россию до ее самых глубинных оснований.

Все три революции носили характер государственной измены и представляли смертельную опасность для России как православного тысячелетнего царства. Все три революции были задуманы и совершены в той экстремальной внутренней ситуации, когда Россия находилась в состоянии войны с внешним врагом; все три революции грозили России военным поражением в этих войнах и лишали Россию статуса великой геополитической державы.

До сих пор последовавший за белым Февралем красный Октябрьский переворот 1917 г., совершенный в Петрограде партией революционеров-

большевиков, называют великим событием XX в. В послереволюционный период отечественной истории в применяемой к революции формуле «великое событие» усматривался не допускающий никаких сомнений и возражений ее исключительно позитивный смысл, в свете которого вся тысячелетняя история и культура России оценивались крайне негативно и, наоборот, всячески восхвалялось и превозносилось значение красного Октября, с победой которого революционеры-большевики провозглашали наступление новой эры во всемирной истории человечества.

С объективной исторической точки зрения грозные события, потрясшие Россию в начале прошлого века, являются великими отнюдь не в силу величия революции. Если под величием понимать воплощение в жизни высших общественных и нравственных идеалов и торжество национальных интересов России, то в событиях 1917 г., ввергших Россию в смуту, Гражданскую войну, разруху, обнищание и красный террор, никакого величия в подлинно положительном смысле видеть нельзя.

Октябрьский большевистский переворот 1917 г. является великим событием в исключительно деструктивном и отрицательном смысле. Этот переворот, как и предшествовавший ему Февральский, явился преступной изменой национальным интересам России, он был предательски совершен революционерами в тот исторический момент, когда Россия вела войну с внешним врагом и когда она уверенно шла по пути к полной и окончательной победе, открывавшей перспективы ее нового геополитического положения как великой державы. Антинародный характер Октябрьского переворота заключался в том, что большевики, «объявив себя миролюбцами перед грозным врагом, принялись за истребление безоружного населения»³⁵. Большевики выдвинули спасительный для Германии лозунг: «Главный враг — в собственной стране»³⁶. В условиях Первой мировой войны «Германия решилась на нетривиальный ход — прямую помощь “антисистемной оппозиции”

³⁵ Булгаков 1991. С. 301.

³⁶ Панарин 1998. С. 130.

в России»³⁷. Развязанная большевиками вооруженная революционная борьба создала внутренний фронт, означавший «объединение левого авангарда с маргинальной частью низов против имперского державного порядка и государственности в России»³⁸. Революционная пропаганда большевиков заразила народ ненавистью и местью. Душа народа «замутилась до самого дна, и поднявшееся социальное дно поглотило свою собственную русскую национальную элиту»³⁹.

Разразившаяся в России революция «не только разрушала прежнее государство, прежнее хозяйство и прежнюю культуру России, но стремилась прежде всего смести прежний ведущий слой»⁴⁰, она со всей присущей большевикам решительностью и жестокостью стремилась его «сместить, уволить, лишить имущества и жилища, обречь на голод и холод, арестовать, сослать, расстрелять»⁴¹.

Вспоминая столетие великой смуты начала прошлого века, столетие отречения от престола императора Николая Александровича и столетие Октябрьского переворота, наше историческое сознание, умудренное трагическим опытом революции, воспринимает эти драматические события как гибель того, что было для многих поколений наших соотечественников самым светлым и дорогим в русской жизни и в русской истории.

Революция означала крушение 1000-летней Российской державы, геополитический распад создававшейся веками великой империи, катастрофу в экономическом и культурном развитии России, поражение России в Первой мировой войне, развязывание на всем географическом пространстве России братоубийственной Гражданской войны, революционную диктатуру левой радикальной партии большевиков, физическое истребление всех высших культурных сословий России, разгром

³⁷ Панарин 1998. С. 130.

³⁸ Там же.

³⁹ Ильин 2008. С. 378.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 378–379.

Православной Церкви и подчинение всего населения России диктату чуждого и ненужного им западного материалистического учения.

«Падение монархии в 1917 г. ознаменовало начало конца великого исторического феномена под названием Россия»⁴². В своей тысячелетней истории Россия явила второй после Византии величайший тип православной христианской цивилизации, поэтому падение православного Русского царства в 1917 г. явилось таким же драматическим событием во всемирной истории, как и падение Константинополя в 1453 г.⁴³

В год 100-летия начала великой народной смуты 1917–1918 гг. наши соотечественники склоняют головы перед трагической судьбой самых достойных и благородных людей России, чьи жизни были отняты революцией, Гражданской войной и самым массовым и жестоким за всю человеческую историю красным террором.

«Грозные и судьбоносные события, постигшие нашу чудесную и несчастную Родину, — писал И. А. Ильин, — проносятся опаляющим и очистительным огнем в наших душах. В этом огне горят все ложные основы, заблуждения и предрассудки, на которых строилась идеология прежней русской интеллигенции. На этих основах нельзя было строить Россию, эти заблуждения и предрассудки вели ее к разложению и гибели»⁴⁴.

В чем же заключалось главное заблуждение либеральной русской интеллигенции, которое привело Россию к величайшей в ее истории катастрофе?

Это заблуждение заключалось в увлечении социалистическим учением, которое, начиная со второй половины XIX в., считалось «наиболее прогрессивным течением общественной мысли»⁴⁵. Как теория, как учение социализм пришел в Россию с Запада. Он был восторженно воспринят нашей либеральной интеллигенцией, которая с самого ее зарождения в XVIII в. вдохновлялась идеалами республики и свободы. «XVIII в., —

⁴² Боханов 2002. С. 334.

⁴³ Булгаков С., прот. 1964. С. 400.

⁴⁴ Ильин 2009. С. 4.

⁴⁵ Левицкий 2003. С. 275.

отмечал Г. П. Федотов, — раскрывает нам загадку происхождения интеллигенции в России. Это импорт западной культуры в стране, лишенной культуры мысли»⁴⁶.

Но «западный мир, — отмечает А. Тойнби, — к которому Россия во времена Петра пошла в ученики, был уже миром нерелигиозным»⁴⁷, поэтому наиболее просвещенное меньшинство русских людей последовало примеру своих западных современников⁴⁸.

Родившись в золотой век Елизаветы и Екатерины, наша интеллигенция с самого начала усвоила тезис о том, что республика — это свобода, поэтому она выше империи и монархии. С самого начала либеральная интеллигенция поставила задачу борьбы с русским самодержавием и направляла свои силы на сокрушение православной русской монархии.

Идеалы свободы и социальной справедливости нашли воплощение в учении социализма, который «решительно проповедовал освобождение от нужды и от бесправия беднейших классов»⁴⁹ и привлекал мировоззренческие симпатии широких общественных кругов России. Но в то же время в плане мирозерцания социализм был равнодушен или чаще враждебен религиозному учению христианства. Опираясь на философию позитивизма и материализма, социализм таил в себе непримиримую, воинствующую, антирелигиозную сущность. Этот союз социализма с материализмом и атеизмом оказался роковым для исторических судеб России в XX в.⁵⁰ Революционеры были убеждены, что «религиозность в народе можно будет убить только социальной революцией»⁵¹.

Под влиянием социалистических и революционных идей в среде русской интеллигенции в конце XIX — начале XX в. формировалось

⁴⁶ Федотов 1967. С. 90.

⁴⁷ Тойнби 1996. С. 160.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Левицкий 2003. С. 275.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Бакунин 1989. С. 512.

революционно-мифологическое сознание, которое в результате революционной пропаганды овладело стихийным сознанием народных масс и стало движущей силой революции. Революция свергла Россию в стихию Гражданской войны и красного террора. Она навязала крестьянству коллективизацию, сопровождавшуюся радикальной ломкой прежнего крестьянского уклада жизни. Революционно-мифологическое сознание оставалось движущей силой на протяжении почти всего XX в. вплоть до своего почти полного угасания в 80-х гг., когда диктатура коммунистической идеологии уступила место либерально-демократическому сознанию.

Находившиеся в плену утопических иллюзорных идей, не любившие и не понимавшие России революционеры не могли видеть ее внутреннего одухотворяющего начала, ее религиозного величия, ее нравственной чистоты, ее культурного своеобразия, ее национальных задач, ее уникальной судьбы. Называя императорскую Россию «тюрьмой народов», они совершенно не понимали того, что русский народ является носителем порядка и христианских начал «среди своих многонациональных и многоязычных сограждан»⁵², что он несет свет христианской веры другим народам России, которые входили в ограду Православной Церкви и культурно возрастали под благотворным влиянием цивилизационных начал русской государственности. Революционеры не принимали в расчет то обстоятельство, что русская государственность «строится и держится живым народным правосознанием и что русское национальное правосознание держится на двух основах — на православии и на вере в царя»⁵³. Революции, напротив, сопровождалась низвержением тронов и алтарей. Революционерам была ненавистна освященная авторитетом Церкви самодержавная власть императора, которая, будучи гарантом и оплотом общественного благоденствия, являлась необходимым институтом, способным обеспечить незыблемость религиозных и нравственных устоев народной жизни.

⁵² Ильин 2008. С. 347.

⁵³ Там же.

Далеким от Церкви, непричастным к богатствам ее литургического предания, умозрения и религиозного опыта революционеры, возомнив себя самыми просвещенными людьми своей эпохи, «не видели драгоценного своеобразия русского православия, не понимали его мирового смысла и его творческого значения для всей русской культуры»⁵⁴. Они не понимали, что православная вера является фундаментом русской цивилизации. Как справедливо отметил А. С. Панарин, «Арнольд Тойнби показал, что скрепляющим ядром каждой из мировых цивилизаций является соответствующая мировая религия. В России таким цивилизационным ядром являлась Греко-православная Церковь»⁵⁵.

Свою подрывную политическую работу революционеры осуществляли под лозунгом социализма и свободы. Однако в действительности, как отметил С. А. Левицкий, «социализм построен на отрицании реальности и необходимости свободы»⁵⁶, на отрицании «мира духовных ценностей»⁵⁷. «В революции, — констатирует Н. А. Бердяев, — не бывает и не может быть свободы, революция всегда враждебна духу свободы»⁵⁸. В революции подавляется не только политическая свобода, но и свобода человека вообще, его индивидуальная, личная свобода, поскольку «диалектика индивидуальной свободы и государственной власти стоит в самом центре проблемы свободы»⁵⁹. В оценке С. А. Левицкого, социализм поддался искушению жить без Бога лишь одними «хлебами земными» и искушению неограниченной властью революционной диктатуры ее «вождей»⁶⁰. Как исторический феномен диктатура власти большевиков в России стала естественным следствием Октябрьского переворота и разгона Учредительного собрания.

⁵⁴ Ильин 2008. С. 347.

⁵⁵ Панарин 1998. С. 128.

⁵⁶ Левицкий 2003. С. 277.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Бердяев 1990b. С. 26.

⁵⁹ Рикёр 2017. С. 151.

⁶⁰ Левицкий 2003. С. 277.

По заключению Питирима Сорокина, «диктатура есть институт, неразрывно связанный со всякой беспощадной и насильственной революцией»⁶¹.

Под нравственно привлекательным и социально респектабельным покровом учения социализма тлео пламя иррационального революционного порыва, анархизма и деспотизма, которые впоследствии в своем историческом воплощении составили три основные фазы революции: эйфорию, анархию и террор. Революционная диктатура всегда означала насилие и деспотизм по отношению к народу с его традиционным религиозным мировоззрением и духовно-нравственным укладом жизни. Социализм не признавал метафизических основ бытия, бессмертия человеческой личности и ее высокого божественного предназначения. По отзыву С. А. Левицкого, социализм одержим духом «“радикальной поусторонности”, который составляет его сущность»⁶².

В истории России в XX в. социализм и атеизм составили единый нераздельный союз. Социализм отрицал самые сокровенные запросы человеческого духа, он отрицал самые фундаментальные экзистенциалы бытия, он отрицал богоподобное достоинство человеческой личности, он отрицал Евангелие и христианскую мораль с ее уникальным ансамблем высших нравственных ценностей, он отрицал необходимость актуального исполнения Евангелия и следования за Христом, он отрицал Царство Божие, воскресение и вечную жизнь. Веру в высшее призвание и вечное предназначение человека социализм объявил религиозным заблуждением, вредным пережитком прошлых эпох. В минувшем XX в. Г. П. Федотов в своей книге «Судьба и грехи России» писал: «Современная Россия — страна воинствующих рационалистов и безбожников. Традиции сметены в ней так радикально, как, может быть, еще ни одной революцией в мире»⁶³.

Социализм как новый общественно-экономический строй и как новое, основанное на догматах материализма учение был насажден в России на-

⁶¹ Сорокин 2010. С. 315.

⁶² Левицкий 2003. С. 277.

⁶³ Федотов 1991. С. 262.

сильственным образом, огнем и мечом Гражданской войны и революционным законом. Человек лишился свободы предпринимательской деятельности, свободы творчества, свободы иметь право выражать свое мировоззрение, свои личные убеждения. В общенациональном масштабе произошел провал в иррациональную стихию искусственно созданной материальной упрощенности, где все сферы общественной, экономической, интеллектуальной и культурной жизни были подчинены диктату левой радикальной партии большевиков и управлялись аппаратом советских чиновников⁶⁴.

На протяжении всего столетнего периода после великой русской смуты 1917 г. наши современники и соотечественники в лице выдающихся аналитиков, историков, исследователей, ученых и общественных деятелей настойчиво стремились найти ответы на вопросы: почему оказалась возможной революция 1917 г., в какой мере она явилась следствием противостояния великих мировых держав, а в какой — результатом стечения обстоятельств, обусловивших свержение монархии, позволивших большевикам осуществить государственный переворот и установить режим террора однопартийной диктатуры; существовала ли фатальная неизбежность поражения демократического Временного правительства или его свержение объяснялось цепью совершенных им политических ошибок; в силу каких исторических факторов «коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа»⁶⁵ и, наконец, каким бы стал исторический путь России, если бы стоявшая в 1917 г. на пороге победы императорская Россия довела войну до конца или если бы большевики не разогнали Учредительное Собрание, которое было призвано законодательным актом утвердить ту форму государственного строя, какую изберут народы России?

Как уже было отмечено, революция была инспирирована социалистическим учением, пришедшим в Россию с Запада. Социалистические и революционные идеи нашли в России благоприятную почву среди тех слоев интеллигенции, которая не понимала и не любила России,

⁶⁴ Ильин 2006. С. 392.

⁶⁵ Бердяев 1990а. С. 93.

для которой Россия была чужой и для которой был ближе Запад как общее отечество свободы, прогресса и цивилизации. Запад, находившийся за границами Российской империи, не был ещё самым опасным врагом России. Гораздо большую для России опасность представлял «внутренний запад», т. е. те силы в самой России, которые отождествляли себя с западной идеологией, западными ценностями и образом жизни⁶⁶.

Революцию в России готовила революционная интеллигенция, политическими выступлениями которой явились восстание декабристов в 1825 г., революционный террор в 80-х гг. XIX в., революция 1905 г. и, наконец, революция 1917 г. Революционеры учли уроки истории. В 1825 г. народ не был с декабристами, в 1905 г. армия не была с народом, поэтому революционеры поставили перед собой задачу морального разложения армии путем преступной революционной пропаганды в условиях Первой мировой войны, в чем была крайне заинтересована Германия, финансировавшая подрывную деятельность революционеров-большевиков. Октябрьский переворот и разгон большевиками Учредительного собрания привели большевистскую Россию к позорному поражению в войне в 1918 г. Захват власти левой радикальной партией большевиков был ознаменован крушением России как великой тысячелетней державы, что указывало на исключительно деструктивный характер совершившейся революции.

Революция в России готовилась в течение долгих десятилетий, в известных слоях интеллигенции подготовка к революции стала традицией, передававшейся из поколения в поколение⁶⁷. Те, кто оказались во власти ее манящей и опьяняющей разрушительной стихии, уже никогда не могли примириться с реальностью существующего порядка, бывшего гарантом законности, благополучия, процветания и стабильности. В этой традиции с именем революции связывались иллюзии социального равенства и свободы. Облик борца-революционера воспринимался либеральным сознанием как воплощение благородства и нравственной доблести, как идеал

⁶⁶ Дронов 2017. С. 287.

⁶⁷ Ильин 2008. С. 345.

человека, жертвующего во имя счастья народа своей свободой, карьерой и личным счастьем. В парадигме этой нравственно-мировоззренческой и политической аберрации любой уважающий себя человек считал ниже своего достоинства подать руку жандармскому офицеру, в котором видел живое олицетворение самодержавной царской власти, преследующей героев-революционеров. Имели место случаи, когда русские помещики прятали в своих усадьбах скрывавшихся от надзора полиции революционеров-профессионалов, снабжая их деньгами и паспортом для выезда за границу, где они продолжали подрывную революционную деятельность. В 1862 г. свт. Игнатий Брянчанинов с горечью и тревогой отмечал, что его век «пропитан революционным духом»⁶⁸.

Революционно-мифологическое сознание, овладевшее частью либеральной и атеистической по своим мировоззренческим убеждениям интеллигенции, идеализировало революцию и делало ее популярной, необходимой и неизбежной. С другой стороны, «все, что было духовно значительного в истории русской мысли и русского творчества XIX в.»⁶⁹, было направлено против революции.

Вопреки очевидной тенденции успешного цивилизационного развития России, вопреки логике роста ее экономического и геополитического могущества как страны с православным, благочестивым и трудолюбивым народом, страны, «которая культурно цвела, хозяйственно богатела и прогрессивно реформировалась»⁷⁰, революционеры ввергли Россию в революционный хаос, в бездну иррациональной разрушительной стихии. «По мнению Ильина, большая часть русской интеллигенции была заражена «противогосударственным нигилизмом», который и сыграл роковую роль»⁷¹. В интерпретации Ильина «все революционное движение в России начиная с Герцена и Чернышевского приобретает зловещие черты

⁶⁸ Игнатий Брянчанинов, свт. 2017. С. 405.

⁶⁹ Бердяев 1990b. С. 29.

⁷⁰ Ильин 2008. С. 346.

⁷¹ Еврампиев 1998. С. 183.

и осмысливается только в свете его естественного итога — Октябрьского переворота»⁷². Действительно, все началось с Герцена, которого Розанов назвал «основателем политического пустозвонства в России»⁷³.

В начале XX в., когда по темпам экономического развития Россия стала опережать страны Запада, главной опасностью, угрожавшей успеху ее развития, были война и революция. «Войну, — констатирует И. А. Ильин, — ей сознательно навязала Германия, чтобы остановить ее рост; революцию в ней сознательно раздули революционные партии, чтобы захватить в ней власть»⁷⁴.

В 1917 г. революция нашла благоприятную почву и поддержку среди различных слоев русской интеллигенции, вступившей на путь государственной измены. Революционные идеи в верхах и низах грозили ниспровержением и гибелью государственного порядка. В верхах находились лидеры революционных партий, осуществлявших разрушительную деятельность в Государственной Думе и стремившихся отнять у императора государственную власть, в низах жила народная стихия, сознание которой было отравлено пропагандой революционных идей. Таким образом, смута 1917 г. имела два крыла: правое — Февраль, левое — Октябрь. За белым Февралем прорисовывался лик красного Октября.

«Тактика Февраля началась 1 ноября 1916 г. речью Милюкова в Государственной Думе, направленной против государя и стремившейся подорвать в народе всякое доверие к нему и его семье. Слова “глупость или измена” были восприняты всей страной как обоснованное обвинение императора в национальной измене и как “штурмовой” сигнал “к революции — во имя победы”»⁷⁵.

Сознавал ли Милюков ту неизмеримую грандиозность личной ответственности за исторические судьбы России, когда своей изменой

⁷² Евлампиев 1998. С. 183.

⁷³ Розанов 1990. С. 511.

⁷⁴ Ильин 2008. С. 346.

⁷⁵ Там же. С. 359–360.

правлящему императору зажигал факел революции? Понимал ли он, что путь к победе в великой войне лежит в объединении национальных сил России, а не в междоусобной политической борьбе? Неужели он мог не знать, что основной чертой всех революций является «особая психология народных масс, чувствующих себя вершителями своей новой исторической судьбы»⁷⁶, что в любой революции «инстинктам своеволия» дается нео-существимый при всех стойких формах власти неограниченный простор⁷⁷ и что прорвавшаяся иррациональная, слепая и бессознательная стихия революции, сметающая все на своем пути, сметет и его самого?

Ведь именно в революционных мятежах обманчивый мираж свободы, как заразительный соблазн, с неимоверной и опьяняющей быстротой охватывает миллионы людей, до тех пор не помышлявших ни о своих правах⁷⁸, ни о крушении традиционных устоев жизни привычного для них стабильного и безопасного мира. Ведь именно в революциях проявляется во всей силе феномен ресентимента — зависти, злобы и беспощадной мести к высшим правящим, аристократическим и привилегированным классам. «Дух революции, дух людей революции, ненавидит и истребляет гениальность и святость, он одержим черной завистью к великим и к величию»⁷⁹. Революция способна воспламенить «ярость серой массы, завидующей всякому величию, всякой славе, всякой гениальности»⁸⁰. Революция порождает восстание «экзистенциального плебейства»⁸¹, направленного «против подлинного благородства человека»⁸², против любого проявления превосходства, чтобы узаконить «универсальное нивелирование в существовании массы»⁸³.

⁷⁶ Аскольдов 1990. С. 20.

⁷⁷ Там же. С. 21.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Бердяев 1990b. С. 27–28.

⁸⁰ Там же. С. 29.

⁸¹ Ясперс 1991. С. 407.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

Прозревая иррациональную, разрушительную стихию революции, Н. А. Бердяев отмечал, что «революции никогда не ценят людей духовного движения и духовного творчества; они извергают этих людей»⁸⁴. Цитируя по истине пророческое стихотворение М. Ю. Лермонтова «Предсказание»: «Настанет год, России чёрный год, / Когда царей корона упадет», Н. А. Бердяев отмечал: «Это романтическое по форме стихотворение, написанное в 1830 г., предвидит ужасы революции почти за столетие»⁸⁵. В своей глубинной метафизической сущности революция есть манифестация стихийного, темного, грозного, бунтарского, беспощадного, бессмысленного, иррационального и деструктивного начала, направленного против любого проявления благородства, величия, гениальности, законности и порядка. «На всякой революции лежит печать безблагодатности, богооставленности или проклятия»⁸⁶. Революция, по образному замечанию Вячеслава Иванова, провела «русскую душу через мрачную пустыню практического нигилизма, где живут только звери и где звереет сам человек»⁸⁷. Народ, оказавшийся во власти революционной стихии, теряет свое достоинство и свободу. Он находится в плену собственных иллюзий, воображая себя свободным в осуществлении своих мрачных гедонических вожделений и преступных агрессивных замыслов. В действительности же он — «раб темных стихий, он ведется нечеловеческими элементарными духами»⁸⁸.

Именно по этой, чуждой всякого духовно-нравственного созидательного начала, причине, как справедливо отмечал И. А. Ильин, революционная власть в России опиралась на низшие, деликвентные слои общества, не имевшие понятия о благородстве, чести и достоинстве, не знавшие и не признававшие никаких нравственных идеалов. «Революция с самого начала обращалась не к лучшим, государственно-зиждательным силам народа,

⁸⁴ Бердяев 1990б. С. 28.

⁸⁵ Бердяев 1990а. С. 93.

⁸⁶ Бердяев 1990б. С. 25–26.

⁸⁷ Иванов 1994. С. 388.

⁸⁸ Бердяев 1990б. С. 26.

а к разрушительным и разнузданным элементам его. Она привлекала к себе не честных, верных, патриотически настроенных людей, привыкших к дисциплине и ответственности, а безответственных, деморализованных, беспринципных карьеристов, интернационалистов, грабителей, дезертиров, авантюристов. Это есть просто неоспоримый исторический факт. Ей нужны были люди дурные и жестокие, способные разлагать армию, захватывать чужое имущество, доносить и убивать. Наряду с этим она обращалась к людям невежественным и наивным, которые готовы были верить в немедленное революционно-социалистическое переустройство России»⁸⁹.

Всцело ориентированные на разрушение традиционных устоев жизни, совершенно невосприимчивые в своей мировоззренческой и ценностной слепоте к проявлениям благородства, гениальности и святости, революционеры, по отзыву Н. А. Бердяева, «люди совершенно лишенные творческого духа, обделенные им, ненавидящие и истребляющие творчество»⁹⁰, поскольку творчество «поистине... аристократично, оно есть дело лучших, оно не терпит власти худших, господства толпы»⁹¹.

Революция раскалывает мир, создает ситуацию, когда «в просвете бытия сразу является злое»⁹². В огненном вихре революции гибнут люди самые благородные, самые достойные, самые одаренные, самые великодушные, люди самой высокой культуры, достигшие высших степеней в плане интеллектуальной, творческой, религиозной и нравственной сформированности. Благородство обрекает на гибель тех, кто до конца остался верен ему. «Так был убит первый человек России. За ним последовали и вторые, и десятые: до сих пор в общем миллионов пятьдесят»⁹³. Таков закон обратного соотношения между высотой аксиологического ранга личности и ее неспособностью к выживанию в условиях отравленного

⁸⁹ Ильин 2008. С. 379.

⁹⁰ Бердяев 1990b. С. 27.

⁹¹ Там же.

⁹² Хайдеггер 1993. С. 217.

⁹³ Солоневич 2007. С. 230.

злом бытия. Благородство не знает ни компромисса, ни приспособления. Революция, наоборот, не знает благородства и беспощадна к нему. По определению П. Рикёра, «личность — это ее история»⁹⁴. Личность Государя — это еще и история страны. «Государь, — как проникновенно заметил В. В. Розанов, — есть в точности лучший человек в России»⁹⁵, потому что он «не имеет всецелым содержанием души никакого другого интереса, как благо России, благо народа»⁹⁶. На гуманность и благородство самодержавного строя и русского суда, самого скорого и самого милостивого в мире, революционеры отвечали своей «храбростью», и победы революционеров «основываются на том, что они — бесчеловечны, а старый строй <...> помнит “крест на себе” и не решается совлечь с себя образ человеческий»⁹⁷.

В своей нравственной слепоте, в своем духовном ничтожестве, революционеры не могли видеть сияния духовного превосходства тех, кого они делали жертвами революции. «Лица людей, захваченных революцией, говорят о падении духовной жизни. Выражение этих лиц до ужаса не духовно, и оно уже является осуждением революции»⁹⁸. Лица революционеров, в характеристике Н. А. Бердяева, «выражают злобу и одержимость, на них нельзя прочесть ни углубленных мыслей, ни благородных чувств»⁹⁹. Вследствие своей интеллектуальной инертности и ограниченности и еще более вследствие своей мировоззренческой и религиозной слепоты, революционеры «всегда были гасителями мысли»¹⁰⁰, они «гнали религию, философию, поэзию, эстетику жизни»¹⁰¹.

⁹⁴ Рикёр 2017. С. 299.

⁹⁵ Розанов 1990. С. 584.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Розанов 1990. С. 615.

⁹⁸ Бердяев 1990b. С. 28.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. С. 29.

¹⁰¹ Там же.

Милюков, как и Государственная Дума, не понимал, что русская революция является «безумием, и притом разрушительным безумием»¹⁰². Тем не менее «на этой политической близорукости, на этом доктринерстве, на этой безответственности была построена вся программа и тактика русских революционных партий»¹⁰³. Результатом государственной безответственности, политической недалёковидности и государственной измены, родившейся в составе Государственной Думы, стал захват верховной власти в России Временным правительством, спровоцировавшим разыгравшуюся в России революционную стихию.

«В революции народная, массовая стихия есть явление природы, подобное грозам, наводнениям и пожарам, а не явление человеческого духа. Образ человека всегда замутнен в революции, затоплен приливами стихийной тьмы»¹⁰⁴. Россия была ввергнута в бездну анархии, беспорядка и беззакония, пережив величайшую катастрофу, невиданное «государственно-политическое и национально-духовное крушение, по сравнению с которым Смута бледнеет и меркнет»¹⁰⁵.

Революционная стихия смела Временное правительство. Власть в России захватила левая радикальная партия революционеров-большевиков, установивших в стране жестокую революционную диктатуру. От обещанной революционерами свободы — свободы слова, печати, союзов и собраний — не осталось и следа. Воодушевляющей и движущей силой революции является ресентимент: зависть, злоба и беспощадная месть. Гельмут Шёк отмечает, что зависть способна спровоцировать сплочённость людей для социального действия, последствия которого никогда не способны оправдать предварительных ожиданий. «Когда завистников призывают к непосредственным действиям, обещая им, что после свержения существующего строя возникнет справедливое общество равных, почти

¹⁰² Ильин 2008. С. 349.

¹⁰³ Там же. С. 348.

¹⁰⁴ Бердяев 1990b. С. 26.

¹⁰⁵ Ильин 2008. С. 345.

всегда получается так, что власть достается тем людям, чье происхождение и взгляды делают их наименее способными осуществить обещанную реформу, <...> так что политику и экономику постигает прогрессирующий хаос и паралич»¹⁰⁶. Система лишается конструктивного начала, когда к власти приходит авантюрист: «авантюрист презирает все порядки жизни»¹⁰⁷.

В революцию пришли к власти «новые люди, презирающие законность, отрицающие права личности, жаждущие захвата и обогащения, лишённые знания, опыта и умения, полуграмотные выдвигенцы, государственно неумелые «нелегалычики», приспособившиеся к коммунистам преступники»¹⁰⁸. «Революция узаконила уголовщину»¹⁰⁹, она «превратила разбойника в чиновника»¹¹⁰. История каждой революции написана кровью. Несмотря на то, что революция начинается с лозунгов во имя торжества гуманности, справедливости и свободы, она во имя своих завоеваний переходит в истребление человека. Революция не способна внести в жизнь конструктивное созидательное начало, «революция есть болезнь, катастрофа, прохождение через смерть»¹¹¹. Те позитивные моменты, на которые ссылаются поклонники революции и которые действительно имели место в жизни России при власти Советов, следует отнести к заслугам не революционной власти, не считавшейся с интересами народа, но главным образом к доблести сформированного веками национального русского характера. «В революции всегда является мститель, и он совершает величайшие жестокости и насилия»¹¹².

Революция не признаёт никаких метафизических основ бытия, никаких абсолютных авторитетов, не признаёт и уникальной ценности самой

¹⁰⁶ Шёк 2010. С. 287.

¹⁰⁷ Ясперс 2012b. С. 278.

¹⁰⁸ Ильин 2008. С. 379–380.

¹⁰⁹ Там же. С. 380.

¹¹⁰ Бердяев 1990b. С. 45.

¹¹¹ Бердяев 1993. С. 183.

¹¹² Там же.

человеческой жизни. Тайинства бытия для нее закрыты. «Нормальные законы и гарантии неприкосновенности личности и ее свобод падают. Место их занимают “военные положения” и исключительные суды (ЧК, революционные трибуналы и военные суды), без всяких формальностей уничтожающие людей сотнями, тысячами, бросающие их в тюрьмы, сводящие на нет какие бы то ни было гарантии»¹¹³. Революция сопровождается милитаризацией и Гражданской войной и делает с народом все, что ей угодно¹¹⁴. Совершенная под лозунгом свободы, братства и справедливости, революция породила безумную иррациональную стихию, в которой бушуют «ненависть, алчность и вожделие»¹¹⁵, революция «всегда сопровождается ужасами»¹¹⁶, «в революциях льется кровь»¹¹⁷. Задуманная во имя торжества свободы и справедливости, «революция может сама совершать надругательства над человеческим достоинством, насиловать и поработать»¹¹⁸ народ. «В стихии революции нет места для личности, для индивидуальности, в ней всегда господствуют начала безличные»¹¹⁹.

Иррациональный смысл революции состоял в ее глубокой античеловеческой сущности, в том, что стихия революции породила Гражданскую войну и красный террор, приведшие к истреблению миллионов человеческих жизней за их сословную принадлежность и за их жизненные убеждения. Вопреки декларации демократических прав и свобод, революция порождает цепную реакцию ничем не оправданного насилия, мести, преступлений и лжи. По признанию академика Д. С. Лихачева, прошедшего Соловки и Беломорканал, «огромное число людей, которые

¹¹³ Сорокин 2010. С. 315.

¹¹⁴ Там же. С. 316.

¹¹⁵ Федотов 1967. С. 8.

¹¹⁶ Бердяев 1993. С. 307.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. С. 317.

¹¹⁹ Бердяев 1990b. С. 26.

были виноваты в незаконных репрессиях, в повальных арестах и расстрелах, сами были потом арестованы и приговорены без суда»¹²⁰.

Историки советского периода, как правило, стремились политически и морально оправдать Октябрьскую революцию, воспринимая ее стихийный порыв к утверждению свободы и справедливости как величайшее эпохальное событие и как поворотный момент всей мировой истории, определившей свою судьбоносную миссию в грядущей истории народов мира. В действительности же, как уже было сказано, стихийный порыв ведет к анархии, анархия ведет к диктатуре и беспощадному террору, подавляющему любое проявление свободы и попирающему права и достоинство человеческой личности. Требование справедливости и свободы в условиях революционной диктатуры воспринимаются как мятеж и бунт против самой революции, как «контрреволюция», за которую в России тысячи и миллионы людей расплатились жизнью.

Когда в феврале-марте 1917 г. Государственная Дума захватила верховную власть, Россия под знаменем «завоеваний революции» с неудержимой силой стала катиться к диктатуре большевизма. Как верно заметил П. И. Новгородцев в своей аналитической оценке аморальной политики лидеров революции, князь Львов, Керенский и Ульянов, последовательно возглавлявшие в России революционную власть, связаны между собой в их отношении к драматическим последствиям стихии распада и Гражданской войны. Атрофия нравственного сознания, совести, долга и ответственности привела власть к моральной капитуляции перед силами зла. Система бесхитростного непротивления злу, примененная князем Львовым в качестве механизма управления государством, у Керенского обратилась в систему потворства злу, прикрытого туманом революционно-мифологической идеологии, и превратилась, наконец, у лидера большевиков Ульянова «в систему открытого служения злу, облеченную в форму беспощадной классовой борьбы»¹²¹. С приходом

¹²⁰ Лихачев 1989. С. 604.

¹²¹ Новгородцев 1991. С. 564.

к власти большевиков началось массовое истребление всех тех, кто был неугоден революционной диктатуре. «Весь этот бесчеловечный поход против верующих и самой Христовой святыни в Русском народе»¹²² осуществлялся «всеми средствами и силами государства среди народа, который 1000 лет нес светильник апостольской православной веры»¹²³.

Революция была совершенно не нужна ни России, ни русскому народу, она была противоестественным явлением в исторической жизни России на пути ее цивилизационного развития. На это обстоятельство убедительнее всех других аргументов указывают миллионы человеческих жизней, отнятых Гражданской войной и красным террором. Революция носила чужеродный для России характер, искусственно навязанный ей организаторами государственного переворота, не имевших ни чести, ни благородства, ни совести и потому не сознававших ответственности за грядущие исторические судьбы России.

«У всех трех указанных лиц, — отмечает П. И. Новгородцев, — были свои утопические мечты, и со всеми ими история поступила одинаково: она обратила в ничто их мечты и сделала из них игральница слепой стихии»¹²⁴.

Русское общество раскололось: одни были потрясены и возмущены ужасами революции; другие, наоборот, были увлечены ее опьяняющей разрушительной стихией, воспламененной провокационными призывами ее вождей. «Если в основу жизни мира положить опьянение, — под которым Н. Ф. Федоров понимал омрачение разума, — то такой мир будет миром падения»¹²⁵. «Прочнее всего, — заключает П. И. Новгородцев, — овладел массами тот, кто более всего взывал к массовым инстинктам и страстям. В условиях общей анархии путь к власти и деспотизму всего более открыт для наихудшей демагогии»¹²⁶. Здесь «мы

¹²² Иоанн (Шаховской), еп. 1954. С. 77.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Новгородцев 1991. С. 564.

¹²⁵ Федоров 1995. С. 161.

¹²⁶ Новгородцев 1991. С. 564.

видим ту же страсть к лозунгам, ту же интеллектуальную посредственность, то же самое снисходительное отношение к великим, вневременным достижениям предыдущих эпох, то же самое заблуждение относительно того, что наступила новая великая эра»¹²⁷.

В начале XX в., когда в парадигме сциентистского мировоззрения авторитет науки заслонил авторитет Откровения, когда научное мышление противопоставило свой метод благодатной подлинности религиозного опыта, когда в высших сферах государственного аппарата «теургическое обоснование монархической власти переставало осознаваться, потому что перестало ощущаться»¹²⁸, в живом народном сознании идея традиционной для России православной монархии по-прежнему оставалась непоколебленной. Самодержавие воспринималось как «хранитель нашего единства, не русского только или славянского, а вообще единства человеческого»¹²⁹, и народ «всегда стоял крепко за самодержавие»¹³⁰. И если бы совершенно неожиданный в своей исторической парадоксальности, почти фантастически невероятный момент, когда государственная измена родилась в недрах Государственной Думы, остался в 1917 г. реально неосуществленным, историческая судьба России должна была, казалось бы, едва ли не совершенно исключить возможность революции. Вопреки логике исторического развития в феврале 1917 г. совершилось величайшее во всей истории России государственное преступление¹³¹. Революция поразила Россию своей внезапностью. Зезинов («Дело народа» от 25 марта 1917 г.) писал: «Революция ударила как гром с ясного неба и застала врасплох не только правительство и Думу, но и существующие общественные организации. Она явилась великой радостной неожиданностью и для нас, революционеров». Левый эсер Мстиславский писал

¹²⁷ Гильдебранд 1998. С. 82.

¹²⁸ Боханов 2002. С. 125.

¹²⁹ Федоров 1995. С. 22.

¹³⁰ Там же. С. 23.

¹³¹ Солоневич 2007. С. 235.

еще красочнее: «Революция застала нас, тогдашних партийных людей, как евангельских неразумных дев — спящими»¹³².

Взгляд на историю как на метафору пути к грядущему Царству Божию претерпел радикальную метаморфозу. История стала восприниматься как путь самоутверждения человека. Тем не менее, как заметил Ален Бадью, «главный онтологический вопрос наступающего XX в. — что такое жизнь?»¹³³

В XX в. человечество с невероятной энергией засвидетельствовало «свою неумирающую веру в земной прогресс, в земное счастье»¹³⁴. Но эта вера не требовала от человека ни самоотречения, ни исповеднического подвига, наоборот, она претендовала на вседозволенность. Эта вера была облечена в одеяние естественного влечения, жизненного порыва: «жизненный порыв не ведет нас ни к чему другому, кроме него самого, это — страсть жить любой ценой, даже ценой попрания тех ценностей, которые предали ему смысл»¹³⁵. Либеральное европейское сознание, формируя этику Нового времени, горит нетерпением обрести свободу без границ, забывая при этом о нравственном благородстве и достоинстве человека как носителя Божественного образа. На мрачном фоне всеобщего оскудения христианского энтузиазма, веры и нравственного благородства подвиг и массовый героизм православных исповедников и новомучеников России представляет собой выдающееся по своей благодатной духовной силе и несокрушимой нравственной мощи явление XX в. «Многие русские люди хранят себя в благодатной помощи Божьей, пройдя через горнило великих испытаний»¹³⁶.

Взгляд на историю как на процесс, заключающий в своем глубинном содержании сотериологический смысл, исходит из веры в Откровение.

¹³² Солоневич 2007. С. 350.

¹³³ Бадью 2016. С. 23.

¹³⁴ Шмеман А., прот. 2009. С. 17.

¹³⁵ Мунье 1992. С. 84.

¹³⁶ Иоанн (Шаховской), еп. 1954. С. 77.

История как проект есть актуальное осуществление христианства. Все народы, «собранные и наученные во имя Троицкого Бога»¹³⁷, будут оправданы через усвоение плодов искупительной жертвы Христа и Его Воскресения. Онтологическим основанием пути в судьбе каждого человека и в исторических судьбах мира является Христос — *путь и истина и жизнь*¹³⁸. Но те, кто актуально следуют за Христом, всегда составляют исключительное меньшинство. Это то *малое стадо*¹³⁹, которому Отец Небесный благоволил дать Царство¹⁴⁰. «Увы, большая дорога истории давно уже проходит мимо христианства»¹⁴¹.

История XX в., история народов России и мира, написана кровью великих мировых войн, великих революций и великих репрессий. XX в. обнажил «тело Истории, состоящее, в свою очередь, из тел небесстрастных — из тел страдающих»¹⁴².

Большая дорога истории ведет в нигилизм: если смерть есть абсолютный конец всего того, что было в жизни, то под сомнение ставится смысл всего того, что предшествовало смерти. Но вера истинных избранников Божиих, вера Церкви, которая по-прежнему остается ноуменальным центром исторической жизни мира, — это вера не в эволюцию и прогресс, а вера в творение мира Богом и его преображение во Христе, в Котором история обретает подлинный смысл в свете данного Церкви Откровения.

Проявившаяся в феномене русской революции 1917 г. власть стихийного иррационального и деструктивного начала с его гордым притязанием на земное самоутверждение человека обнаружила перед лицом величайшей трагедии в истории России свою абсолютную историческую несостоятель-

¹³⁷ Федоров 1995. С. 37–38.

¹³⁸ Ин. 14, 6.

¹³⁹ Лк. 12, 32.

¹⁴⁰ Ср. Лк. 12, 32.

¹⁴¹ Шмеман А., прот. 2009. С. 17.

¹⁴² Бадью 2016. С. 146.

ность. Исходя из интерпретации истории мира как пути в следовании за Христом, XX в. ставит вопрос: «Что есть абсолютное в истории? Тело распятого Христа было символом Воплощения Бога. Веком составлен длинный мартиролог, список распятых тел...»¹⁴³. Но верно также и то, что в апокалиптических страданиях, ниспосланных нашему народу великой смутой 1917–1918 гг., «в этом крестном, терновом пути развития — залог нашего будущего»¹⁴⁴. Задача, предписанная новому поколению России ее великой исторической судьбой состоит в новом обретении и новом обустройстве той России, которая была потеряна в бурном водовороте драматических революционных событий, но которая должна восстановить свою прежнюю цивилизационную преемственность¹⁴⁵. Пережив смуту 1917–1918 гг., Гражданскую войну и последовавший за ней 70-летний период большевистского богоборческого тоталитарного режима с его красным террором, коллективизацией, массовыми репрессиями, Великой Отечественной войной, пережив все невзгоды, которые обрушились на наш народ в результате Февральской революции и Октябрьского переворота, Россия вступила на путь нового духовного возрождения, источником и гарантом которого является ее верность Божественному предназначению в истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аскольдов 1990 — Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 5–19. [*Askol'dov S. A. Religioznyy smysl russkoi revoliutsii (The religious meaning of the Russian revolution) // Iz glubiny: Sbornik statei o russkoi revoliutsii (From the depths of time: Collection of articles on the Russian revolution)*]. Moscow, 1990. P. 5–19.]
- Бадью 2016 — Бадью А. Век. М., 2016. [*Badiou A. Vek (Age)*]. Moscow, 2016.]
- Бакунин 1989 — Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. [*Bakunin M. A. Filosofia. Sotsiologiya. Politika (Philosophy. Sociology. Politics)*]. Moscow, 1989.]

¹⁴³ Бадью 2016. С. 146.

¹⁴⁴ Кавелин 1989. С. 170.

¹⁴⁵ Семенко 2010. С. 265.

- Бердяев 1990а — *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. [*Berdiaev N. A.* Istoki i smysl russkogo kommunizma (The origins and meaning of Russian communism). Moscow, 1990.]
- Бердяев 1990б — *Бердяев Н. А.* Философия неравенства. М., 1990. [*Berdiaev N. A.* Filosofia neravenstva (Philosophy of inequality). Moscow, 1990.]
- Бердяев 1991 — *Бердяев Н. А.* Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 250–289. [*Berdiaev N. A.* Dukhi russkoi revoliutsii (The spirit of the Russian Revolution) // *Vekhi: Iz glubiny* (Milestones: from the depth). Moscow, 1991. P. 250–289.]
- Бердяев 1993 — *Бердяев Н. А.* О назначении человека. М., 1993. [*Berdiaev N. A.* O naznachenii cheloveka (On the purpose on man). Moscow, 1993.]
- Бонхёффер 2013 — *Бонхёффер Д.* Этика. М., 2013. [*Bonhoeffer D.* Etika (Ethics). Moscow, 2013.]
- Боханов 2002 — *Боханов А. Н.* Самодержавие. М., 2002. [*Bokhanov A. N.* Samoderzhavie (Monarchy). Moscow, 2002.]
- Булгаков С., прот. 1964 — *Булгаков С., прот.* Православие. Очерки учения Православной Церкви. П., 1964 [*Bulgakov S., archpriest.* Ocherki ucheniia Pravoslavnoi Tserkvi (Essays on the Doctrine of the Orthodox Church). Paris, 1964.]
- Булгаков 1991 — *Булгаков С. Н.* На пиру богов // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 290–353. [*Bulgakov S. N.* Na piru bogov (At the feast of the gods) // *Vekhi. Iz glubiny* (Milestones: from the depth). Moscow, 1991. P. 290–353.]
- Виндельбандт 2007 — *Виндельбандт В.* Прелюдии. М., 2007. [*Windelband W.* Preliudii (Preludes). Moscow, 2007.]
- Гильдебранд 1998 — *Гильдебранд Д.* Новая вавилонская башня. Избранные философские работы. СПб., 1998. [*Hildebrand D.* Novaia vavilonskaia bashnia. Izbrannye filosofskie raboty (The new tower of Babel. Selected philosophical works). Saint Petersburg, 1998.]
- Дронов 2017 — *Дронов И. Е.* Сильный, державный. Жизнь и царствование Александра III. М., 2017. [*Dronov I. E.* Sil'nyi, derzhavnyi. Zhizn' i tsarstvovanie Aleksandra III (Strong and mighty. Life and reign of Alexander III). Moscow, 2017.]
- Евлампиев 1998 — *Евлампиев И. И.* Божественное и человеческое в философии И. Ильина. СПб., 1998. [*Evlampiev I. I.* Vozhestvennoe i chelovecheskoe v filosofii I. Il'ina (The divine and the human in the philosophy of I. Ilyin). Saint Petersburg, 1998.]

- Иванов 1994 — *Иванов В. И.* Родное и вселенское. М., 1994. [*Ivanov V. I.* Rodnoe i vselenskoe. Moscow, 1994.]
- Игнатий Брянчанинов, свт. 2017 — *Игнатий Брянчанинов, свт.* Избранные письма. М., 2017. [*Ignatii Brianchaninov, sviatitel'.* Izbrannnye pis'ma (Select letters). Moscow, 2017.]
- Изгоев 1991 — *Изгоев А. С.* Социализм, культура и большевизм // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 361–387. [*Izgoev A. S.* Sotsializm, kul'tura i bol'shevizm (Socialism, culture and bolshevism) // *Vekhi. Iz glubiny* (Milestones: from the depths). Moscow, 1991. P. 361–387.]
- Ильин 1993 — *Ильин И. А.* Путь к очевидности. М., 1993. [*Il'in I. A.* Put' k ochevidnosti (The way to obviousness). Moscow, 1993.]
- Ильин 2006 — *Ильин И. А.* Путь духовного обновления. М., 2006. [*Il'in I. A.* Put' dukhovnogo obnoveniia (The path of spiritual renewal). Moscow, 2006.]
- Ильин 2008 — *Ильин И. А.* Возвращение. Мк., 2008. [*Il'in I. A.* Vozvrashchenie (Return). Minsk, 2008.]
- Ильин 2009 — *Ильин И. А.* Грядущая Россия. Мк., 2009. [*Il'in I. A.* Griadushchaia Rossiia (The coming Russia). Minsk, 2009.]
- Иоанн (Шаховской), еп. 1954 — *Иоанн (Шаховской), еп.* Время веры. Нью-Йорк, 1954. [*John (Shakhovskoy), bishop.* Vremia very (Time of faith). New York, 1954.]
- Кавелин 1989 — *Кавелин К. Д.* Статьи по философии, русской истории и культуре. М., 1989. [*Kavelin K. D.* Stat'i po filosofii, russkoi istorii i kul'ture (Articles on philosophy, Russian history and culture). Moscow, 1989.]
- Левицкий 2003 — *Левицкий С. А.* Свобода и ответственность. М., 2003. [*Levitsky S. A.* Svoboda i otvetstvennost' (Freedom and responsibility). Moscow, 2003.]
- Лихачев 1989 — *Лихачев Д. С.* Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. Л., 1989. [*Likhachev D. S.* Zametki i nabludeniia. Iz zapisnykh knizhek raznykh let (Notes and observations. From notebooks of different years). Leningrad, 1989.]
- Мейендорф И., прот. 1991 — *Мейендорф И., прот.* Православие в современном мире. Нью-Йорк, 1991. [*Meiendorff I., archpriest.* Pravoslavie v sovremennom mire (Orthodoxy in the modern world). New York, 1991.]
- Мунье 1992 — *Мунье Э.* Персонализм. М., 1992. [*Mounier E.* Personalizm (Personalism). Moscow, 1992.]

- Нибур 1996 — *Нибур Р.* Христос и культура. М., 1996. [*Niebuhr R.* Khristos i kul'tura (Christ and Culture). Moscow, 1996.]
- Новгородцев 1991 — *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. М., 1991. [*Novgorodtsev P. I.* Ob obshchestvennom ideale (On the public ideal). Moscow, 1991.]
- Панарин 1998 — *Панарин А. С.* Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX в. М., 1998. [*Panarin A. S.* Rossiiskaia intelligentsiia v mirovykh voynakh i revoliutsiakh XX veka (The Russian intelligentsia in the world wars and revolutions of the 20th century). Moscow, 1998.]
- Рикёр 2017 — *Рикёр П.* Философская антропология. М., 2017. [*Ricœur P.* Filosofskaia antropologiiia (Philosophical anthropology). Moscow, 2017.]
- Розанов 1990 — *Розанов В. В.* Уединенное. М., 1990. Т. 2. [*Rozanov V. V.* Uedinennoe (Recluse). Moscow, 1990. Tom 2.]
- Семенко 2010 — *Семенко В.* На обрыве времен. М., 2010. [*Semenko V.* Na obryve vremen (At the edge of time). Moscow, 2010.]
- Солоневич 2007 — *Солоневич И. Л.* Россия и революция. М., 2007. [*Solonevich I. L.* Rossiia i revoliutsiia (Russia and the revolution). Moscow, 2007.]
- Сорокин 2010 — *Сорокин П. А.* Социология революции. М., 2010. [*Sorokin P. A.* Sotsiologiiia revoliutsii (The sociology of the revolution). Moscow, 2010.]
- Тиллих 1995 — *Тиллих П.* Избранное. Теология культуры. М., 1995. [*Tillich P.* Izbrannoe. Teologiiia kul'tury (Selected works. Theology of culture). Moscow, 1995.]
- Тойнби 1996 — *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. М., 1996. [*Toynbee A.* Tsivilizatsiia pered sudom istorii (Civilization under the tribunal of history). Moscow, 1996.]
- Федоров 1995 — *Федоров Н. Ф.* Собрание сочинений в 2 т. М., 1995. Т. 2. [*Fedorov N. F.* Sobranie sochinenii v 2 tomakh (Collected works in 2 volumes). Moscow, 1995. Tom 2.]
- Федотов 1967 — *Федотов Г. П.* Лицо России: Сборник статей (1918–1931). П., 1967. [*Fedotov G. P.* Litso Rossii: Sbornik statei (1918–1931) (The face of Russia: Collection of articles (1918–1931). Paris, 1967.]
- Федотов 1997 — *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. [*Fedotov G. P.* Sud'ba i grekhi Rossii (Fate and sins of Russia). Saint Petersburg, 1991. Tom 1.]
- Франк 1990 — *Франк С. Л.* Сочинения. М., 1990. [*Frank S. L.* Sochineniia (Works). Moscow, 1990.]

СМУТА 1917–1918 ГОДОВ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАГЕДИЯ

- Франк 1991 — Франк С. Л. Этика нигилизма // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 167–199. [*Frank S. L. Etika nigilizma (Ethics of nihilism) // Vekhi. Iz glubiny (Milestones: from the depth). Moscow, 1991. P. 167–199.*]
- Хайдеггер 1993 — Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. [*Heidegger M. Vremia i bytie (Time and being). Moscow, 1993.*]
- Шёк 2010 — Шёк Г. Зависть. М., 2010. [*Schoeck H. Zavist' (Envy). Moscow, 2010.*]
- Шмеман А., прот. 1954 — Шмеман А., прот. Исторический путь Православия. Нью-Йорк, 1954. [*Shmeman A., archpriest. Istoricheskii put' Pravoslavia (The historical path of Orthodoxy). New York, 1954.*]
- Шмеман А., прот. 2009 — Шмеман А., прот. Собрание статей 1947–1983 гг. М., 2009. [*Shmeman A., archpriest. Sobranie statei 1947–1983 gody (Collection of articles 1947–1983). Moscow, 2009.*]
- Ясперс 1991 — Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. [*Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii (Meaning and purpose of history). Moscow, 1991.*]
- Ясперс 2012а — Ясперс К. Просветление экзистенции. М., 2012. [*Jaspers K. Prosvetlenie ekzistentsii (Enlightenment of existence). Moscow, 2012.*]
- Ясперс 2012б — Ясперс К. Философия. Кн. 3. Метафизика. М., 2012. [*Jaspers K. Filosofia. Kniga 3. Metafizika (Philosophy. Book 3. Metaphysics). Moscow, 2012.*]

Abstract

Plato (Igumnov), archimandrite. Troubles of 1917–1918 — a national tragedy in the history of Russia

This article discusses the attempts of interpreting the moral and religious meaning of the two revolutions in Russia in February and October 1917 and the subsequent social upheavals and radical changes that occurred in all spheres of the political, socio-economic and cultural life of the country, which found itself in the ruins created by the October coup and civil war of the Russian Empire. Based on the assessment of the turmoil and its dramatic consequences, contained in the views of N. A. Berdyaev, I. A. Il'in, S. A. Levitsky, P. I. Novgorodtsev and other Russian religious thinkers, the author points to the ethical inconsistency of the slogans of the revolution, whose realization turned into a national tragedy of Russia in the XX century.

Keywords: The kingdom of God, faith, freedom, dignity, nobleness, revolution, troubles, apostasy, anarchy, terror, worldview, the road of history.